

Раненый герой-священник на своем посту.

Съ 14-го мая для моей паствы послѣ нѣкотораго перерыва, наступили вновь великіе, боевые дни. Въ полночь на 15-е число полкъ долженъ былъ начать наступленіе на врага, занимавшаго окопы въ районѣ селеній П. и X. Чувствовалась потребность укрѣпить его благословеніемъ и напутственнымъ словомъ. Я предварительно доложилъ о моемъ намѣреніи командиру (профессоръ военной академіи, полк. К.), сказавъ, что быть можетъ многие изъ моихъ духовныхъ сыновъ въ послѣдній разъ въ сей жизни увидятъ и обмызываютъ воодушевляющей на страданія и побѣду Животворящій Крестъ Господень. Командира это видимо очень тронуло и онъ отнесся весьма сочувственно.

Полкъ былъ поставленъ недалеко отъ окоповъ, въ низинѣ; я, чтобы быть на виду у всѣхъ, долженъ былъ стать на возвышенный выступъ. Была совершенно ясная лунная ночь и осѣняющій Крестъ былъ ясно видѣнъ всѣмъ.

Когда я тихо, вполголоса напутствовалъ медленно проходившихъ духовныхъ сыновъ, всѣ они снимали фуражки, истово крестились на св. Крестъ, многие офицеры и нижніе чины поднимались ко мнѣ, цѣловали Крестъ и цѣловались со мной. Прошли трогательныя, таинственныя, непередаваемые минуты. Врагъ былъ рядомъ и стоялъ на-сторожѣ, и уже, вѣроятно, почуявъ близость противника: участился его ракеты, полетѣли пули, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, наконецъ понеслась наступающимъ роемъ, свистя въ воздухъ и съ шипѣніемъ вливаясь въ землю у ногъ. Но я уже кончалъ свое пастырское дѣло: получившіе благословеніе стрѣлки продвинулись, кромѣ послѣдняго баталіона, еще осѣняемого Крестомъ и тутъ-же залегавшаго въ качествѣ резерва.

Было ясно, что уцѣлѣть трудно, и стрѣлки обращались ко мнѣ, чтобы я сталъ пониже, но я этого сдѣлать не могъ, чтобы не показать примѣра малодушія, и говорилъ имъ, что духовному отцу вражескимъ пулямъ кланяться не подобаетъ, имѣя въ виду, что молодые стрѣлки робѣли во время перваго боя и обращались иногда къ ротному: „ваше благородіе, куда втекатъ?“ Вдругъ я почувствовалъ какой-то страшный, жестокий толчокъ, отъ котораго зашатался и потемнѣло въ глазахъ; ударъ былъ въ область груди, на которой была дароносица и крестъ на георгіевской лентѣ. Приложивъ руку, я увидѣлъ что она стала мокрой и темной и что сквозъ пальцы течетъ на одежду и сапоги кровь и удерживать ее рукою нѣтъ возможности.

При перевязкѣ на перевязочномъ пунктѣ врачами были обнаружены два пулевыхъ отверстія: одно на срединѣ груди, другое въ разстояніи 3—3½ вершковъ отъ него на лѣвой сторонѣ, при чемъ первое было нѣсколько большимъ, какимъ бываетъ выходное, почему можно думать, что пуля ударила въ лѣвую сторону груди и вышла къ дароносицѣ, пронизавъ и одежду и георгиевскую ленту и оставивъ значительный слѣдъ на самой дароносицѣ въ видѣ продолговатаго углубленія.

Однако тѣ-же доктора (Краузе, Миловидовъ, Щегель, изъ коихъ послѣдній—еврей) говорили, что мою грудь защитила дароносица, давъ путь, направленной въ сердце, боковое направленіе. Командиръ-же и офицеры положительно убѣждены, что меня спасъ Богъ.

Горячо облобызалъ я св. дароносицу, поданную мнѣ по окончаніи перевязки.

Я былъ раненъ третьимъ по счету перевязочнаго пункта, изъ всѣхъ раненыхъ и убитыхъ (здѣсь) одноподчанъ. Состояніе моего здоровья было тяжело и врачи настоятельно совѣтовали для лѣченія эвакуироваться. Раны действительно, какъ я убѣдился, лѣчить въ походной обстановкѣ трудно: не ежедневныя, при томъ сползающія при ходьбѣ, перевязки, пыль, зной, потъ, вызывая загрязненіе, зудъ и нагноеніе, весьма затрудняютъ заживленіе. Но я не могъ этого сдѣлать, считая невозможнымъ уйти со своего пастырскаго поста въ страдальцы для моей паствы дни незаконченныхъ боевъ.

Я рѣшилъ остаться, хотя бы меня ожидала самая печальная развязка. Я видѣлъ, что офицеры утомлены, и нѣкоторые изъ нихъ говорили мнѣ, что иногда „имѣли нечистую молитву, чтобы Господь послалъ имъ легкую рану“. Мои же молитвы за нихъ были совершенно другого содержанія и характера. Въ тѣ же бои меня породовали раненые—мой бывшій скалолазникъ и др. нижніе чины, сейчасъ же по перевязкѣ отправившіеся на поле битвы.

Командиръ расцѣловалъ меня, благодарилъ и сказалъ при собраніи офицеровъ, что батюшку обязательно представить къ Георгіевскому Кресту. Позднѣе онъ за мою недолгую службу въ полку породовалъ меня еще другого рода наградой—предложеніемъ: не могу-ли я совѣтъ перейти въ 6-й N-й полкъ?

„Полкъ“, продолжалъ командиръ, „достигъ блестящихъ успѣховъ: взялъ въ плѣнъ до 3000 нижнихъ чиновъ, свыше 70 офицеровъ, массу винтовокъ, пулеметы и проч.,—*благодари явной помощи Божьей и благословенію*“. Также въ одинъ голосъ говорили мнѣ и офицеры и нижніе чины, повѣствуя, какъ полкъ плѣнилъ враговъ въ числѣ, далеко превосходящемъ его собственный составъ.

Такъ простой религіозный актъ, запечатлѣнный кровію благословлявшаго священнослужителя, былъ понятъ моими духовными сынами—членами нашей вѣрующей, смиренной, доблестной арміи *).

Протоіерей А. Богословскій.

Трогательнъ своей простотой рассказъ о. Андрея, наскоро написанный на какихъ-то бланкахъ полевой канцеляріи, и умилительнъ величіемъ скромно описываемыхъ подробностей.

*) Сообщеніе взято изъ докладной записки о. Богословскаго и напечатано распоряженіемъ о. Протопресвитера—во славу Божію. Ред.